КРАСНОСЕЛЬСКАЯ СТАРИНА

№ 1

Иосиф ШЕВЕЛЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РЕСТАВРАЦИИ ХРАМА В СЕЛЕ КРАСНОЕ

35 лет тому назад в центре большого волжского села Красное рисовались на фоне неба два высоких шатра, обшитые черным железом. Черные островерхие их силуэты выходили, словно пики, из большого прямоугольного здания двухэтажной церкви, а к югу и к северу от бо́льшего шатра, на невысоких приделах, высились еще две главы, также из черного железа, венчающие обтянутые железом барабаны. Завершала шатер большая луковичная глава, гладко крытая. Чешуйчатые главы над приделами, непропорционально большие, имели форму, характерную для XIX века.

В этом искаженном поздними пристройками и переделками сооружении при самой первой встрече легко угадывался незаурядный памятник, выделяющийся не только древностью своей, но и художественными достоинствами. Главную его ценность, как мне тогда представлялось, составлял устремленный ввысь мощный шатер, взлет которого гасился в самом его основании с трех сторон крышами двухэтажной церкви, а вверху — сбивающей масштаб сооружения главой.

Итак, мне предстояло разработать проект реставрации шатрового храма XVI века. Почетная и ответственная эта задача была понята мною, начинающим реставратором, слишком эмоционально и прямолинейно. Я видел ее в том, чтобы воссоздать лаконичный и сильный облик шатрового храма в его первозданном виде. Для этого потребовалось бы удалить все позднейшие наслоения. Такова была формула эскизного проекта, созданного после тщательного осмотра памятника. Но она не получила поддержки органов охраны и

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ:

Иосиф Шефтелевич ШЕВЕЛЕВ — костромской архитектор, автор ряда книг и статей по теории и истории архитектуры. Статья «Из истории реставрации храма в селе Красное» написана специально для нашего альманаха.

реставрации памятников архитектуры Академии наук СССР: начались тщательные натурные исследования, целью которых было не только документально установить первоначальные формы храма, но и отделить друг от друга все временные наслоения и обоснованно оценить все части постройки, сложившиеся в течение примерно 400 лет[1]. Мне пришлось впервые столкнуться на практике со сложной задачей воссоздания утраченных частей здания и определения, какой эпохе должен соответствовать его воссоздаваемый архитектурный облик. При решении этой задачи я познакомился с некоторыми общепринятыми в реставрационной науке и некоторыми еще не утвердившимися в ней в то время истинами.

Исследуя памятник в натуре, я убедился, во-первых, в том, что для реставратора древностей высокую ценность представляют не одни только первоначальные формы. Лишь внимательно изучив все исторические наслоения, можно установить, чем в процессе восстановления памятника можно и нужно пожертвовать; определить, что само по себе лишено художественной ценности и разрушает художественную ценность целого. Во-вторых, воссоздавая утраченные части, архитектору недостаточно опереться на аналогии, чтобы повторить при реставрации исторически точные и наиболее совершенные, на вкус реставратора, детали. Необходимо стремиться выявить все, присущее данной постройке своеобразие форм и приемов, преодолеть в себе зависимость от прославленных образцов, не принимать их за штамп времени. Всякое своеобразие нужно бережно сохранять, подчеркивая индивидуальность памятника, его конструктивные и художественные особенности.

И именно здесь, реставрируя храм Богоявления в Красном, я остро прочувствовал доминирующую роль пропорциональных соотношений (отношение размеров частей постройки друг к другу и к целому, их внутренние соразмерности). Утрата художественных достоинств сооружения объяснялась прежде всего диспропорцией глав, изменением соотношения зрительно воспринимаемой высоты и ширины шатра за счет поглощения основания шатра крышами перестроенной церкви и за счет обшивки шатра и восьмерика железным кожухом. Одновременно возник вопрос о размерах и пропорциях докомпонуемых частей здания.

Углубляясь в эту проблему, я находил множество подтверждений тому, что древнерусские мастера владели вы-

сокой строительной культурой, уходящей корнями к греко-византийской традиции. Гармония целого достигалась не одной лишь интуицией. Они владели какими-то каноническими методами построения формы, за которыми прочно стоят одновременно и абстракции геометрии (подобие, отношения золотого сечения и его производные), и вполне реальная кратность древним мерам — строительным эталонам длины, саженям и локтям, а позднее — аршинам.

Так появилась теория парных мер, объединившая наблюдения П. Н. Максимова о геометрической связанности размеров в постройке, геометрическую теорию К. Н. Афанасьева и метрологическую концепцию Б. А. Рыбакова. Понимание это пришло, конечно, не сразу. Реставрация церкви близилась к завершению, а постижение канонов и правил работы древнего мастера тогда только еще начиналось...[2]

Когда был снят железный футляр, открылись трехъярусные арки и кокошники, украшающие кирпичные стены восьмерика; трехчастные фронтончики в основании шатра; кокошники и фронтончики шатра колокольни; кокошники в основании барабанов над приделами — создающая богатейшую свето-теневую пластику симфония арок. Под отбитой местами поздней штукатуркой обнажились счастливо сохранившиеся завершения и основания первоначальных окон XVI века, удлиненных стройных пропорций, чуть сужающиеся кверху. Обнажилась граница кладки разных эпох, а глубокие зондажи позволили проследить, как напластовываются друг на друга разновременные части и формы. Заложенные с северной стороны шурфы обнаружили остатки фундамента северного крыльца, ведущего на гульбище, а на стенах 2-го этажа церкви нашлись следы примыкания его парапетов в кладке. Обнажилась аркада 2-го яруса храма. Отчетливо возникли последовательные образы храма в разные исторические периоды и прояснилась история его возведения. Стало очевидно, что перед нами не только один из самых древних, почти целиком сохранившихся памятников архитектуры на Костромской земле, но и уникальный образец каменного шатрового зодчества Руси XVI века, дополненный в XVII веке оригинальной шатровой колокольней. Ее возведение завершило собой длившееся примерно 100 лет формирование неповторимого архитектурного облика храма.

Вот вкратце его история.

I этап: В 1592 году на вотчинных землях Бориса Годунова был воздвигнут шатровый трехабсидный храм с открытым

гульбищем на арках и сводах. Гульбище обходило храм с трех сторон: с севера, с запада, и с юга.

II этап: Вскоре после возведения храма, на рубеже XVI—XVII веков в восточной части с севера и с юга пристраиваются два симметрично расположенные придела.

III этап: Во второй половине XVII века гульбище перекрывают односкатной кровлей, по деревянным стропилам, по открытой аркаде. Одновременно с этим на месте западного лестничного всхода строится шатровая колокольня.

Последующие пристройки и реконструкции уже не создают пластичной пространственной структуры: они лишь принижают храм, уничтожают его пластическую выразительность, масштаб, пропорции, и кроме того, физически разрушают первоначальные конструкции и формы. Так, в XVIII веке закладываются кирпичом арочные проемы гульбища. Возникает второй этаж, при этом разбираются замковые части арок и на их месте устраиваются лучковые окна. В соответствии с этим растесываются и заменяются новыми древние проемы в четверике шатра, в абсидах и боковых приделах. В XIX веке происходят одно за другим два расширения сооружения на запад, с включением нижней части колокольни в новую пристройку. В XX веке заковываются в железный футляр все выступающие над крышей двухэтажной церкви архитектурные формы: восьмерик, шатер, барабан храма; верхняя часть четверика и восьмерик колокольни; барабаны приделов.

Но вернемся к истории реставрации храма. В 1961 году реставрационные работы пришлось на время прервать: составлялся и согласовывался проект. Вариантов было два: первый — восстановить на начало XVII века, с приделами и двухъярусной галереей, и второй — восстановить на конец XVII века, сохранив колокольню.

Пока нами обсуждался проект реставрации, Красносельский райком КПСС добивался сноса этого храма.

В начале 1962 года, когда проект (2-й вариант) был согласован, я приехал с рабочими в Красное. На дверях храма — чужие замки. Иду к секретарю райкома. Говорю о необходимости продолжать реставрационные работы, о ценности памятника — и недопустимости мысли: снести храм XVI века. Секретарь райкома со значком депутата Верховного Совета грозно встает: «Вы понимаете, с Кем вы говорите?!» Что было делать? Иду обратно и при свидетелях, сбиваем кем-то самовольно навешенные на церковь замки. За дверями — склад.

К счастью для меня это событие совпало с окончанием ревизии склада. Мои партизанские действия не имели плохих последствий. Имущество склада вывезли, реставрация продолжалась.

Церковь Богоявления восстановлена в том виде, который она получила к концу XVII века. Реставрация открыла образ храма, занимающего в ряду древнерусских шатровых церквей свое обособленное место. Специфика его — в предельно мощном, скульптурно-монолитном выражении главной темы — шатра. Скульптурная пластика арок, которыми наряжен трехъярусный восьмерик, переходящий в восьмигранный шатер, зрительно расширяя основание восьмерика, и ощутимо сужая его вверху, у основания шатра, объединяет восьмерик и шатер в один, заостренный вверх, массивный, не облегченный окнами, треугольник. Красносельский храм в целом воспринимается не как призма, увенчанная шатром, что характерно для других шатровых храмов: перед нами уникальный случай, когда шатер — это весь храм. Впечатление это усилено тем, что четверик, имеющий вертикальные стены и являющийся постаментом шатра, во-первых, целиком спрятан внутри открытой аркады, и, во-вторых, в отличие от всех других шатровых храмов, относительно невысок: высота его составляет всего 1:4 высоты храма. Для сравнения: в знаменитой шатровой церкви Вознесения в Коломенском высота призмы четверика составляет немногим более 1:3 высоты храма. На целостное восприятие структуры храма работает и последовательное развитие одной композиционной темы: арка. Арки, опоясывающие восьмерик и замыкающие шатер в основании барабана, служат развитием темы аркады, обегающей по земле подклет и ограждающей гульбище.

Резко отличается от шатра XVI века по стилю и композиции шатровая колокольня конца XVII века. Здесь четверик высок и строен; открытый на всю высоту с запада, с юга и с севера, он переходит в восьмерик, увенчанный шатром с небольшой главкой. Композиция колокольни также несколько необычна для ярусных сооружений: над проемами нижнего яруса (четверик) расположены во втором ярусе (восьмерик) не проемы, а столбы, несущие шатер. Все плоскости в завершении колокольни повернуты в отношении плоскостей стен четверика и аналогичных плоскостей шатра храма на 22,5 градуса. Отсеченное таким приемом от основания завершение усиливает статичность образа и тем приближает и примиряет вертикаль колокольни с тяжелым монолитом доминирующего в композиции храма шатра XVI века. Но геометрически четкого решения арочного антаблемента восьмерика каменщики, соорудившие колокольню, не нашли. Углы антаблемента, завершающего восьмерик, закруглены, сглажены, хотя и под ним, и над ним — геометрически строгая восьмигранная форма.

Минуло 30 лет. После реставрации храм Богоявления долгое время был заброшен, и, естественно, он разрушался. Чтобы сберечь храм, необходимо наделить его жизненной функцией, вернуть ему высокий символический смысл.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Пояснительная записка и дело к проекту реставрации церкви Богоявления в селе Красное (1957—1962 гг.) — Архив КСНРПМ.

Грабарь И. История русского искусства. — М., Кнебель (1910—1911). — Т. 2., С. 96—99.

Раппопорт П. Русское шатровое зодчество конца XVI в. //Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 12. — М. — Л., 1949. — С. 238—301.

2. Шевелев И. Геометрическая гармония. — Кострома, 1962.

Шевелев И. Принцип пропорции. — М., 1986.

Фотоархив

Вид на село Красное со стороны Волги. (фото начала века)